

РЕАБИЛИТАЦИЯ ЛИБЕРАЛИЗМА

Тимо́ти Гарто́н Э́ш

Стиль «Гавел»

Стиль либералов, сознающих неудачу исторического дела либерализма, его неспособность оставаться в стороне от жизненной злобы — этот стиль развивается на наших глазах, в утомленных рассуждениях заокеанских светил о постамериканском или даже постлиберальном мире, в жалобах на «новый век» авторитарного капитализма и подвеме «государств=хищников». Это мир либеральных Цицеронов, обеспокоенных упадком республиканских свобод и массовой популярностью нелиберальных Цезарей.

Рискую вас разочаровать, но вряд ли мне удастся сказать что-то новое о чудесах 1989 года. Действительно, мне приходилось немало писать об этом. Но как всегда магия контекстов, игра точек зрения берет свое. К примеру, в прошлом 2008 году мне было интересно проследить ожидаемое двадцатилетие великого европейского перелома и череды вельветовых революций в свете их отчетливой рифмовки и продолжения событий 1968. Эти даты—перевертыши, да еще наложение двух юбилеев — «двадцать vs сорок» в наших интерпретациях создали свой эффект и, на самом деле, оказались в тесной зависимости друг от друга.

Мы обычно сравниваем два поколения: тех, кто «делал» 1968 и тех, кто участвовал в 1989. Проекция похожи, но не совсем. Студенты и бунтари в 1968 года, позже они быстро остепенились, вполне благополучно и успешно заняли ключевые позиции в политике, оказавшись в первых рядах культурного истеблишмента. История предоставила крупный аванс, который с лихвой и азартом был потрачен два десятилетия спустя. В 1989 году картина оказа-

лась куда более пестрой в возрастном и социальном отношении, хотя студенческий слой в ней тоже присутствовал, но отнюдь не доминировал. «Люди Горбачева», как вы помните, тоже во многом дети 1968. Отработанность человеческого материала и «траченность» интеллектуальных ресурсов сыграли, в свою очередь, не последнюю роль в том пути, каким пошла Россия после 1989.

Несмотря на кажущееся изобилие политологических работ, посвященных теме 1968/1989 — вместе ли, порознь рассматриваются эти даты, я все равно считаю проблему «магического года» не обсужденной. Политология, и в особенности политология, посвященная Советскому Союзу и Восточной Европе, не смогла ответить на трудный вопрос: что случилось в 1989, почему он так и остался не описанным. Я никогда не занимаюсь предсказаниями, но срок краха коммунизма я знал более-менее точно. Мое описание в статье «Закат советской империи» (New York Review of Books, 1988 год) было верным.

Я не устаю повторять, что политический вес 1968 года слабее, чем 1989. Смотрите: 1968 — время театрального разгула, публицистических оргий, лихорадочной смены декораций. В то время профессия «политический режиссер» впервые стала столь востребованной, а транснациональные площадные массовки получили статус самых рейтинговых постановок. Режиссеры и актеры главным образом были заняты производством брежневщины. В Лондонской школе экономики они скандировали: «Чего мы хотим? Всего! Когда мы хотим этого? Немедленно!»

Но спектакль есть спектакль. И после представления публика все равно возвращается к своим повседневным занятиям. Результат 1989, как мы знаем, другой. Один только перечень крупных и мел-



ких последствий занял бы целую книгу. Но если суммировать, почти в одночасье была решена судьба коммунизма в Европе, рухнула одна из мощнейших империй XX века — Советский Союз, объединение Германии положило начало новой западноевропейской конфигурации, а также завершилась тяжелейшая идеологическая и геополитическая коллизия — холодная война, остававшаяся на протяжении полувека ключевым фактором в формировании международной политики.

Напомню важное качество 1989: неприменение силы. Именно в этой «бархатности» и есть залог, почва, предпосылки мягкого преобразования национальных и международных политических и экономических структур. 1989 — скорее реставрация или прилежное повторение либеральной стилистики западной версии реформированного капитализма.

Думаю, что именно в этой точке и обозначен главный политичес-

Тимо́ти Гарто́н Э́ш (род. в 1955 году) — один из самых влиятельных социо-гуманитарных мыслителей, историк, журналист, автор множества книг и публикаций, посвященных политике и «истории настоящего времени», которые описывают трансформацию Европы на протяжении последней четверти века. Сотрудник Центра европейских исследований при колледже Св. Антония (Оксфордский университет), старший научный сотрудник Гуверовского института при Стэнфордском университете.

кий соблазн — тот набор развилок, то многообразие стилистических вариантов, интенсивное соперничество которых мы наблюдаем последнее время одновременно с любопытством и ужасом.

Для более корректного понимания всей совокупности конфликтов, сосредоточенных в этом «либеральном букете», хотелось бы в очередной раз прокомментировать «случай Гавела», с которым мне доводилось дискутировать, в том числе на страницах NYRB.

Надо вернуться немного назад и сказать, что, конечно же, восточноевропейские оппозиции 1980-х и вельветовые революции 1989 года в значительной мере возглавляли интеллектуалы, историки, драматурги и так далее. Между прочим, в этом состоит повод для изрядной зависти со стороны интеллектуалов Запада: «Почему мы не совершаем таких вещей? А имеют ли вес интеллектуалы у нас? Почему меня не бросают в тюрьму и не выбирают меня в президенты?»

Это поколение оппозиционных интеллектуалов было вознесено на вершины власти после 1989, и спор о Гавеле — это, по сути, спор о том, может ли человек одновременно быть и активным политиком и независимым экспертом? Гавел пытался совмещать эти две роли, веря в то, что в своих президентских посланиях он всего лишь продолжает те эссе, которые он писал как драматург и оппозиционер в 1980-х, соединение которых абсолютно противопоказано. Эксперт/интеллектуал и политик пользуются разными инструментами, разными политическими языками при всем их кажущемся родстве. Прежде всего они по-разному пользуются словами и решают разные задачи. В словесную задачу президента входит в первую очередь забота о власти; экспертная задача находится строго в зоне неангажированного показа, независимого описания. Девиз Гавела для диссидентской контр-политики звучал так: «Жить в правде».

Суть демократической политики — в работе на полуправде. Демократы предъявляют одну сторону вопроса, а республиканцы —



Вацлав Гавел на политической сцене пытался сыграть роль как лидера, так и эксперта

другую. Я думаю, что посткоммунистическая политика лучше всех сложилась у тех, кто сразу принял этот факт. Определенно, существовало очень важное моральное измерение, как в плане происходящего, так и в плане того, что я сам писал о происходящем — для меня это представляло определенную трудность. Но это случилось не только со мной, но в некотором смысле с целым поколением писателей начиная с 1989 года, когда моральные дилеммы стали гораздо менее ясными. Белое и черное превратилось в оттенки серого. Многие из моих друзей бывших диссидентов очень не хотят этого принимать, потому что таков был моральный идеал европейского интеллектуала не только последние десять лет, но и на протяжении чуть ли не двух веков. И в этом «моральном наполнении», в споре о «чистоте и грязи», взаимных обвинениях и подозрительных проверках исторической подоплеки — зерно одной из стилистических развилок современного либерализма. Едва ли не главной.

При этом необходимо учитывать, что качество этого либерального стилистического набора, включающего толерантность, плюрализм, верховенство закона, демократию, а также необходимость утверждения этих добрых качеств в контексте расширенной Европы, радикально меняется по-

сле 11/9. Однако, прошедшие после 11 сентября семь-восемь лет явили нам старую истину — проблемы обычно не решаются, а лишь затмеваются другими проблемами. Так случилось 8 августа 2008. В этот день две великие державы заявили о своем возвращении на историческую арену. Россия заявила об этом, вторгшись в Грузию танками, а Китай — своими акробатами на открытии пекинской Олимпиады. В обоих случаях послание миру было одним и тем же — мы вернулись. Вторжение России в Грузию было, помимо всего прочего, расплатой за вторжение США в Ирак. А это значит, надо отдавать себе отчет: мировой порядок или мировой беспорядок меняется быстрее, чем нам бы этого хотелось.

Россия и Китай — это не просто великие державы, бросающие вызов Западу. Они также олицетворяют альтернативные варианты авторитарного капитализма или капиталистического авторитаризма. Это и есть крупнейший потенциальный идеологический конкурент либерально-демократического капитализма со времен краха коммунизма. Россия и Китай олицетворяют альтернативные варианты авторитарного капитализма или капиталистического авторитаризма. Это и есть крупнейший потенциальный идеологический конкурент либе-

рально-демократического капитализма со времен краха коммунизма. В Китае мы видим перспективу прогресса, который будет одновременно незападным и нелиберальным. Но является ли авторитарный капитализм стабильной, прочной моделью? По-моему, это один из главных вопросов нашего времени — а мы все еще живем в эпоху «после 11 сентября» — но это также и «эпоха после 8 августа», а в экологической перспективе это «пять минут до полуночи».

Расщепление либеральных стилей — одновременно и политический соблазн и угроза, приведшая к тому, что на протяжении последних двадцати лет в американских и европейских публичных дебатах преобладало поистине экстравагантное употребление термина «либерализм», обозначающее помесь некоего мощного государственного управления с развратом. Вокруг либерализма идет жесткая полемика и политический дележ. Нарастающая концептуальная какофония ведет к расчленению его на составные части с более простыми значениями. Но наличие комбинаций и противовесов определяет суть либерализма, а целое гораздо больше, чем сумма его частей. Если даже один из необходимых компонентов, например, свободный рынок, доминирует, результатом этого может стать «нелиберализм» или «контр-либерализм».

Считаю, что минимальный список ингредиентов либерализма XXI века должен включать в себя свободу в рамках закона, ограниченное и подотчетное правительство, рынки, толерантность, некую версию индивидуализма и универсализма, а также определенное представление о равенстве людей, разумности и прогрессе. Пропорции ингредиентов могут быть разными в зависимости от вкусов и национальных привычек той или иной страны. Но вопрос о множественности либерализмов, возможной ассоциации либеральных стилей поставлен именно в 1989. В этом его историческое достижение и неизжитая политическая драма. ■

Записала Елена Пенская

«Я ПРЕДВИЖУ РАСКОЛ В ОППОЗИЦИИ...»



МАРИНА ЛИТВИНОВИЧ —
член Объединенного совета Объединенного
гражданского фронта

Я хорошо помню идеологию людей, которые работали в АП в эпоху Волошина. Они считали себя лучшими: превосходящими остальных людей по уму, глубине интуиции, уровню образования, степени понимания ситуации и поэтому давали сами себе полный *carte blanche*. Система «ручного управления» политикой отсюда и пошла, отсюда же — превращения АП в центр управления.

Потом мы стали свидетелями союза системных либералов с силовиками: сначала все было по правилам, и кавалер приглашал иногда интересную даму потанцевать, а потом начался бесконечный белый танец. Мне кажется, что у кавалера потом не было выбора.

Между тем, диалог либеральной оппозиции с лимоновцами имел совершенно другой характер: если тот же Чубайс искал союза с силой, то либеральная оппозиция с теми, кто испытывал на себе действие этой силы. Смешно, что Чубайс украл у тех же нацболов их лозунг «империя!», придумав пугало для интеллигенции — «либеральную империю». Нацболы уже тогда были жертвой, а либерал Чубайс оправдывал кровавую чеченскую кашу.

Впрочем, мне кажется, что отношение системных либералов к себе и своим оппонентам было отчасти обоснованным, ведь и в самом деле «человеческий материал» в либеральных кругах более качественный, чем у левых и патриотов. **Даже в оппозиционной Национальной Ассамблее тон вновь задают либералы.** Именно они чаще всего предлагают повестку дня.

Я хорошо знала первую команду Путина и была спокойна за его политическое будущее: ну и что, что он выходец из КГБ? В целом либеральная, команда будущего президента не даст ему свернуть с дороги! Начиналось все неплохо: в том же самом Александр-хаусе, где находился избирательный штаб Путина, размещался Центр стратегических разработок, и

там варилась хорошая интеллектуальная каша: прогрессивная и либеральная. Разрабатывалась административная реформа, судебная реформа, создавались проекты других преобразований.

Мы со своей стороны искали способы подать эти реформы населению — отсюда и пошла строиться жесткая информационная вертикаль «по внедрению». Потом реформы остановились, а выстроенный инструмент остался. Инструменту все равно, что им делают: пропаганду или продвижение реформ. В конце осталась одна пропаганда.

Сейчас либералы могут надеяться лишь на 7% электората. И ждать, что власть в ближайшем будущем будет валяться на земле, а мы легко сможем ее подхватить, достаточно наивно.

Впрочем, вопрос: «Что делать?» — остается открытым лично для меня и для моих соратников. Я предвижу в ближайшее время раскол внутри оппозиции по вопросу отношения к Медведеву. Кто-то сочтет возможным двигаться из несистемного поля в системное. **Я же не вижу сейчас ни одной «калитки», через которую я бы могла войти туда, оставаясь со своей совестью в нормальных отношениях.**

Проблема «калиток» в том, что даже если Медведев откроет одну-две, у ее дверей все равно останется стоять злой билетёр, который считает, что вопрос о заходе решает он. А за билетером стоит мент, за ним — фсбешник, за ним — чиновники. И все они стерегут калитку!

Ну, представьте, например, я завтра говорю своим соратникам — ребята, у нас есть **шанс по имени Медведев**, поэтому давайте сейчас создадим партию, поддержим медведевские инициативы, идем регистрироваться... Естественно, нас никто не регистрирует, и не допустит до выборов. А, кроме того, не очень понятно, как заходить в эту медведевскую «калитку» и смотреть в глаза тем нашим товарищам, которые в сейчас тюрьмах? А родителям тех, кто убиты? Иногда мне кажется, что «гражданский мир» между властью и оппозицией уже невозможен. ■